

DOI 10.15393/j9.art.2017.4442

УДК 821.161.1.09“18”

Ксения Алексеевна Поташова*Московский государственный областной университет
(Москва, Российская Федерация)*

kseniaslovo@yandex.ru

ОБРАЗ ПЫЛАЮЩЕГО ВУЛКАНА В СОЗНАНИИ ОЧЕВИДЦЕВ ПОЖАРА МОСКВЫ 1812 ГОДА

Аннотация. Глубокая сосредоточенность, вслушивание в грозные исторические предзнаменования, отражающиеся в состоянии природы, определяют идеи и настроения поэтов-современников Отечественной войны 1812 года (И. М. Долгорукого, А. А. Волковой, М. Виноградова, свящ. Матфея Аврамова, Н. М. Шатрова, К. Н. Батюшкова и др.). Просыпавшиеся в 1811–1812 гг. два крупных вулкана Европы — Везувий и Этна — воспринимались как грозное знамение, природное предвестие исторической катастрофы. Обращаясь к мотиву извержения вулкана, поэты осмыслили в качестве причины, повлекшей череду мировых потрясений, — крушение духовных ценностей. С призывом к покаянию и помощи Божией обращались святители церкви. Гнев извергающегося вулкана изображен поэтами как своеобразный нравственный урок: бушующая природа заставляет человека обратить взор на небо, задуматься о готовности к встрече с вечностью, Богом. Результатом исследования стало определение религиозного смысла мотива извергающегося вулкана в русской поэзии начала XIX века.

Ключевые слова: русская поэзия, образ, мотив, извержение вулкана, стихия, эсхатология, Отечественная война 1812 года

Отечественная война 1812 года стала для русского общества не только испытанием государственной мощи, но и новым этапом самосознания. Вторжение в Россию армии Наполеона, известного своим религиозным скептицизмом, заставило русских взглянуть на свою жизнь в контексте истории Отечества и ощутить духовно-патриотический подъем.

События Отечественной войны 1812 года нашли отражение и в русской литературе. Первое слово о войне прозвучало в поэзии — в стихах прославленных поэтов (В. А. Жуковского, Г. Р. Державина, Ф. Н. Глинки, К. Н. Батюшкова) и никому неизвестных авторов¹. Это время создания лучших проповедей с призывами к всенародному покаянию, к Божьей помощи

и милосердию (Феофан Затворник, Филарет Московский, Августин (Виноградский))².

Причину разорения городов и поругание святынь русский человек увидел не только в грозной воле французского императора и ситуации военного времени, но и в своей личной греховности. В поэзии и духовных проповедях это выразилось в эсхатологическом мотиве извержения вулкана.

Слово «вулкан» (лат. *Vulcanus*) берет начало от имени римского бога огня Вулкана (др.-греч. — Гефест). «Бог очистительного пламени и разрушения» особенно почитался в Древней Греции и Древнем Риме, его культ сопровождался человеческими жертвоприношениями³.

В русской поэзии уже в XVIII веке образ вулкана сопоставлялся с вероломно нарушающими мирные договоры государствами, а само извержение вулкана сравнивалось с захватническими войнами. Своей силой вулкан, как и вихрь исторических потрясений, сродни чудовищу, уничтожающему все на своем пути. Так, *М. В. Ломоносов* в «Оде... на взятие Хотина» (1739) образно представляет турок и боевые действия при взятии турецкой крепости Хотин вулканом-зверем, раскрывающим свою огромную пасть:

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает...⁴

Другой поэт XVIII века, *А. П. Сумароков*, в «Оде вздорной II» (1759) устанавливая причинно-следственные связи между пылающим вулканом и трагедиями на востоке, называет источником «дыма» Персию и Сирию:

Везувий мечет из середины
В подсолнечну горящий ад.
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит
И тьмою кроет горизонт.
Эфес горит, Дамаск пылает...⁵

Частое использование мотива извергающегося вулкана в русской поэзии и духовных проповедях периода Отечественной войны 1812 года обусловлено тем, что два крупнейших вулкана — Везувий и Этна — в 1811–1812 гг. начинали просыпаться и дымиться⁶. В контексте политических событий эти природные явления воспринимались как грозное историческое предзнаменование, предвестие мировых потрясений. В образе природной стихии, разящей все вокруг, метафорически изображен враг, обращающий в пепел захваченные города России и заставивший ее содрогнуться. Это отражено как в документальных источниках («Неприятель <...> приобрел в добычу старинный град Смоленск, руками его в пепел обращенный»⁷), так и в поэзии:

Там громом вся земля трясется;
Весь град как Этна клокотал
И ад собой изображал!⁸

Извергающийся вулкан предстает не только предвестником исторических потрясений или метафорическим изображением вражеской армии, но, главным образом, силой, обрушившей свой гнев на людей за их грехи. Этот образ значим и для русских поэтов, и для православных пастырей. В «Слове на освящение Успенского собора» (1813) архиепископ *Августин (Виноградский)* сравнил действие природной стихии с силой, карающей французов:

Тьма покрыла запад. Народ, который паче прочих хвалился мудростию, объюродел. Отрекся Творца своего, опроверг Его алтари, и возвестил вселенной нечестие и безбожие. <...> Господь сил восстает в помощь нашу: и сильный во бранех ослабел <...>. Злоба беззаконного заставила ад разверсть недра свои и изрыгнуть громаы: но благость Божия отверзла небеса, пролила воды и угасила пламень свирепствующего ада⁹.

Иеромонах Чудова монастыря отец *Павел (Боровский)*, видевший пожар Москвы, свои воспоминания заканчивает словами: «Нам от них <французов> плохо пришлось, да и они не мало приняли горя. <...> Видно и мы и они прогневали Господа»¹⁰. Божья кара настигает не только на врагов за их бесчинства, но и на всех воюющих за их согрешения («Мне

отмщение, Аз воздам» — Рим. 12:19). Стихия вулкана обличительной силой вскрывает нравственные пороки, обнажая внутренний мир человека; разрушения, которые она собой несет, становятся своеобразным праведным воздаянием человеку, погрязшему в войне, забывшему о Боге.

«Гнев Божий над тобой, злосчастная Москва!»¹¹ — восклицает в числе многих князь *И. М. Долгорукий* в поэтическом «Плаче над Москвою». В этих словах, кроме утверждения, содержится призыв к покаянию — остановиться и поразмыслить на вечные темы перед лицом всеразрушающей стихии.

В описаниях горящей Москвы небо и разворачивающиеся природные силы представляются явлениями христианской метафизики. Поэтический образ неба над Москвой представлен в стихотворении *А. А. Волковой*:

Со светом черна мгла сражалась,
Лишь молний блеск сверкал из туч...¹²

Небо охвачено пеплом, картину конца света дополняют грозно нависающие мрачные тучи и ослепительная молния, подчеркивающая разрушительную роль природной стихии. В воспоминаниях неизвестного москвича о происходящих событиях содержится схожее описание неба над городом:

Вся полоса воздуха над городом превратилась в огненную массу, которая изрыгала горящие головешки; <...> никогда небо в своем гневе не являло людям зрелища ужаснее этого...¹³

Дж.-Г. Байрон, явившийся современником происходящих событий, уподобил горящую Москву извержению вулкана:

...Moscow was no more!
Sublimest of volcanoes! Etna's flame
Pales before thine, and quenchless Hecla's
tame;
Vesuvius shows his blaze, an usual sight
For gaping tourists, from his hackney'd
height;
Thou stand'st alone unrivall'd till the fire
To come, in which all empires shall expire!

...Москве настал конец.
Не так перед тобой пылает Этна,
Над Геклой зарево не так заметно,
Везувий столб возносит огневой,
Зевак дивя, как фейерверк пустой;
Москве стоять, любви народной веря,
До грозного пожара всех империй!¹⁴

Символичен и образ вулканического пепла. По аналогии с библейским образом: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба» (Быт. 19:24) — Москва в результате пожара покрывается пеплом. В донесениях И. А. Тутолмина императрице Марии Федоровне о состоянии учебных заведений в Москве отражены тревожные картины разрушенного города:

...весь город был объят пламенем, горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные здания и дома; отцы и матери кидались в пламя, чтобы спасти погибающих детей; и делались жертвою их нежности. Жалостные вопли их заглушались только шумом ужаснейшего ветра и обрушением стен. Все было жертвою огня¹⁴.

Французский публицист Фантен дез Одоард (Fantin des Odoardes, 1738–1820), бывший в карауле у Наполеона, в своем дневнике сравнивает образ Москвы после пожара с древними Помпеями, погибшими в I веке н. э. под пеплом проснувшегося Везувия:

Из глубин пламени поднимался зловецкий шум и, подобно волнам океана в сильную бурю, прокатывались от одного к другому раскаты непрерывного грома. Это было извержение Везувия, соединенное ни с чем не сравнимым величием ужасного спектакля (цит. по: [3, 75]).

Гибель Помпей явилась воплощением неизбежности потрясений и изменений в жизни народов, «самим проявлением исторической катастрофы, обусловленной крушением духовных ценностей» [8, 133]. Но очевидны и более глубокие параллели. Образ погибших под пеплом Помпей, явивших собой духовный кризис Древнего Рима, отражается в событиях начала XIX века. Не случайно и К. П. Брюллов, создавший известное полотно «Последний день Помпеи» (1830–1833), «картину из вечности» (как выразился в письме к К. П. Брюллову св. Игнатий Брянчанинов¹⁶), на протяжении всей жизни вынашивал замысел другого произведения — картины пожара Москвы. Известны 7 графических этюдов к возможной картине, выполненных в 1836 году — все они хранятся в фондах Государственного Русского музея; в журнале «Москвитянин» за 1852 год Н. А. Рамазанов, ученик

художника, сообщает об интересе К. П. Брюллова к данной теме¹⁷).

Изображение гибели людей под пеплом вулкана явилось исторической проекцией духовно-нравственной ситуации рубежа XVIII–XIX вв. *К. Н. Батюшков* в послании «К Д. В. Дашкову» (1813) описывает картину горящей Москвы:

Я видел сонмы богачей,
 Бегущих в рубищах изданных,
 Я видел бедных матерей,
 Из милой родины изгнанных;
 Я на распутьи видел их,
 Как, к персям чад прижав грудных,
 Оне в отчаяньи рыдали
 И с новым трепетом взирали
 На небо рдяное кругом¹⁸.

Обрушившаяся стихия — вразумление к возвращению к истине и правде. Сила стихии, сметающей все на своем пути, соотносима с духовным судом и представляется исполнением евангельского пророчества: «...восстанет народ на народ, и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления и великие знамения с неба» (Лк. 21:10).

Идея наступающей смерти, воплощенной в образе непреодолимой стихийной силы, ярко выражена в стихотворении «Москва, оплакивающая бедствия свои...» (1812) московского священника *Матфея (Аврамова)*. Произведение открывается фрагментом из «Плача Иеремии», словами, точно отражающими настроение общества: «Обрати нас к Тебе, Господи, и мы обратимся; obnovи дни наши, как древле» (Плч. 5:21). Масштабность разворачивающейся трагедии подчеркнута предельной обобщенностью. В стихотворении патетически скорбные переживания священника Матфея вписаны в конкретные реалии происходящих событий. Сила передачи лично прочувствованных бедствий в стихотворении заключена в ярком художественном образе Москвы-вдовицы «без крова, жизни, света, под пеплом на главе»¹⁹. Пепел и огненная лава, сходящая на Москву, занимают центральное место в образной системе стихотворения. Вдовица видит себя покрытой пеплом, а все

вокруг находит обращенным в прах: «...все в пламенных волнах исчезло» (6).

Стихотворение построено как покаянная речь вдовицы «в горестных слезах» (5), которая обличает человеческие пороки, вызвавшие «гнев праведный небес» (11). Причина обрушившегося Божьего наказания объясняется тем, что она задремала «на лоне ложных благ»: «душой» ее стала «корысть» и «сребролюбие», повсюду царствует «наглость, варварство, ложь, клеветы, обман», «лесть медоточная и хитрое притворство» (13). Истинные блага были подменены пороком, «в забвенье Бог» (15), взамен же пришло «жестокое и слепое» (13) славолубие. Господь прогневался на человека и «мечом врага стал действовать над сердцами» (13). Человек утратил знание о добродетели и осужден за свой грех. И здесь следует вспомнить слова из Послания к римлянам Святого апостола Павла: «...открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1:18). Вдовица в ожидании разрешения трагедии обращает свой взор к небу:

Казалось мне — земля вступила с небом в бой,
И мнила я, что час пришел последний мой.
Вдруг с треском тысячи перунов загрели,
И горы камены на воздух возлетели,
Из дымящихся огнем и черным дымом жерл
Тут на меня хаос густую мглу простерл (24).

Стихия, являющая собой апокалипсис, сосредоточивается в метафорических образах не только разверзшегося неба и застилающей его густой мглы — черного дыма, символизирующего появление смерти. Эсхатологический образ Москвы, под пеплом погребенной, соотносим с евангельским сюжетом о Содоме и Гоморре. Сравнение пожара Москвы с апокалипсическим концом мира проводилось очевидцами происходящих событий. Так, *Н. М. Шатров* (1767–1841) в стихотворении «Пожар Москвы в 1812 году» (1813 или 1814) изображает страшные картины бедствий («И полны пепелища стона, / И камни смочены слезой...») и призывает обратить взор на Небо в поисках спасения:

Страшна спасенья невозможность:
 Все превратилось в ничтожность,
 Как под Содомскою грозою²⁰.

Именно в страхе смерти русский человек постигает «высший смысл бедствий столицы» [9, 132]. Принимая огненную стихию «как наказание Господне и как посланное испытание» [9, 132], он осознает причину скорби великой, охватившей Москву, и путь ее спасения. Стихотворение «Москва, оплакивающая бедствия свои...» оканчивается словами, выражающими надежду на исправление человека и его обращение к Богу:

Сыны Москвы! Средь бед смущаться нам не должно:
 Бог прах одушевит — от Бога все возможно (36).

В своих проповедях, произнесенных в 1813 году, архиепископ *Августин (Виноградский)* выражает мысль о том, что огонь, охвативший Москву, породил в русском обществе утешительные явления, разразившаяся природная стихия принесла благодать русским: «Тучи бедствий, нашедших на нас, разразились наконец не столько бедствиями, сколько щедротами небесной благодати»; извергшиеся над Российской державой «вулканы пламенем своим воспламенили в сердцах наших веру в Бога и верность к Царю, любовь к Отечеству, <...> наполнили ужасом неустрашимое сердце того, который устрасал все»²¹. События войны 1812 года, «потребовавшие от защитников Русской земли напряжения всех духовных сил и явившие их данность» [4, 184], сплотили русскую армию, также не раз сравнивавшуюся со стихией. В «Слове на годовщину Бородинской битвы» (1813) архиепископ Августин (Виноградский) представляет картину Бородинского сражения, сравнивая его с природой, готовящейся к извержению вулкана:

Засверкали мечи, загрели громы, восколебался воздух,
 потряслись сердца гор. Вселенная, взирая на сие кровавое по-
 зорище, познала могущество и храбрость Россов²².

Наступившая после победная тишина имеет значение Божьей милости, воспринимаемой как Божественное проявление. Мир в Отечестве — «благословенная тишина», отсутствие резких звуков, сопровождающих вулканическое извержение.

Европейцы, несущие в сердцах своих безбожие, были заведомо обречены, потому что им навстречу вышла рать, осененная верой во Христа Спасителя, встал народ, вспомнивший о своей христианской вере, ведомый не только блистательными полководцами, но и вдохновенными священниками, которые укрепляли солдат евангельским словом, бесстрашно шли впереди войск с крестом в руке. «Но припомним двенадцатый год, зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же и переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее», — отмечал святитель *Феофан Затворник*²³.

Русская земля воспринимается как идеальный топос, гармоничное сочетание природы и деяний человека. Наступление мира созвучно торжеству гармонии в природе. Так, в стихотворении неизвестного автора «В День Светлого Христова Воскресения матери от детей», опубликованном по случаю праздника Воскресения Христова 1813 года в журнале «Вестник Европы» (1813, № 5–6), подчеркивается единение народа-победителя с природой:

Зеленеют холмы, горы,
Птичек слышны громки хоры
В честь весенних дней.
Не гремят вблизи Перуны,
Не бежит и стар и юный
Хижины родной²⁴.

Стихотворение написано от лица ребенка, в сознании которого победа русских над вражеским станом напрямую связывается с воскрешением Иисуса Христа:

Бог воскрес — и где сей злобный?
Пали все ему подобны, —
Торжествуем мы!²⁵

Стихотворение, как отмечает И. А. Айзикова, выстроено на «природных образах, оппозициях и мотиве погодных изменений» [1, 442]. Празднику Воскресения радуется и сама природа. Весна пришла на смену стихийным силам, символично представленным в образах буйного ветра и вулкана Борея (античное именование Эльбруса):

Не бушуют грозны бури,
 Не туманит хлад лазури,
 Замолчал Борей²⁶.

Это произведение, написанное в 1813 году, будто бы предвещает события грядущего 1814-го — заграничный поход русской армии и окончание Отечественной войны свершились именно в день Светлого Христова Воскресения 10 (23) апреля. Император *Александр I* в своих воспоминаниях отметил:

Привел я православное мое русское воинство для того, чтобы земле иноплемеников <...> принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу²⁷.

Итак, эсхатологический мотив извергающегося вулкана связан с постижением смысла исторического процесса. Разрушительная сила вулкана становится метафорой войны и используется для создания образа неприятеля. Очевидцы войны 1812 года осмыслили крушение духовных ценностей как причину, повлекшую череду исторических потрясений. Интерес русских поэтов и проповедников к образу всеразрушающего, объятых пламенем вулкана, извергающего «прах красноречивый»²⁸, связан с их обращением к духовной жизни человека, определяющей «готовность предстоять Вечному Судии» [5, 68].

Примечания

- ¹ См., напр.: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: в 2 ч. М.: В Унив. тип., 1814. 247 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01005378189#?page=2>; <http://dlib.rsl.ru/viewer/01005378196#?page=1>. Переиздание: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: юбилейное издание / подгот. текстов и прил. И. А. Айзикова, В. С. Киселев, Н. Е. Никонова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 637 с.
- ² См. об этом: [2]; [6]; [7].
- ³ Мифология: энциклопедия. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. С. 64.
- ⁴ Ломоносов М. В. Ода блаженным памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 61. (Библиотека поэта; Большая серия).
- ⁵ Сумароков А. П. Ода вздорной П («Гром, молнии и вечны льдины...») // Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 289. (Библиотека поэта; Второе издание).

- ⁶ O dolce Napoli. Неаполь глазами русских и итальянских художников первой половины XIX века. М., ГТГ, 2011. С. 7–18; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XLI. СПб.: Типолиитография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1904. С. 180. Общность сюжетов, мотивов, манеры восприятия действительности и принципов ее отображения роднит творчество поэтов с изобразительным наследием художников-современников, живопись которых также характеризуется пристальным вниманием к проблемам «человека и стихии», «человека и общества», «человека и власти».
- ⁷ Ростопчинские афиши 1812 года. СПб.: Изд-е А. С. Суворина, 1889. С. 32.
- ⁸ Виноградов М. Ода на Новый 1813-й год // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С. 97.
- ⁹ Очерки жизни московского архиепископа Августина: С прил. и портр. / [И. Снегирев]. М.: Полиц. тип., 1848. С. 45, 47–48.
- ¹⁰ См. «Рассказ иеромонаха Чудова монастыря, отца Павла (в миру Петр Григорьевич Боровский)»: Рассказы очевидцев о двенадцатом годе [Ред. Т. Толычева] // Русский вестник. 1872. Ноябрь. Т. 102. С. 285.
- ¹¹ Долгорукий И. М. Плач над Москвою // Бородинское поле. 1812 год в русской поэзии. Сборник стихотворений. М.: Худож. лит., 2012. С. 97.
- ¹² Волкова А. А. Чувствования россиянки, возбужденные победами Российских войск над бегущим врагом Отечества // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С. 132.
- ¹³ Воспоминания местного жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // Русский архив. 1869. № 7–8. С. 1413.
- ¹⁴ Байрон Дж.-Г. «Moscow! Thou limit of his long career...» («Москва! Рубеж, врагом не перейденный...») // Байрон Дж.-Г. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 2. С. 59.
- ¹⁵ Копия с выписки из донесения И. А. Тутолмина Императрице, 11 ноября 1812 года // [Шукин П. И.] Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Шукиным: в 10 частях. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. Ч. V. С. 152.
- ¹⁶ Святитель Игнатий Брянчанинов. К К. П. Брюллову. Об одиночестве своей души; пристань верная — истинное Богопознание; о помазанности красоты Духом (1841) // Святитель Игнатий Брянчанинов. Избранные письма. М.: Благовест, 2011. С. 251.
- ¹⁷ Рамазанов Н. А. Воспоминания о Карле Павловиче Брюллове // Москвитянин. 1852. № 16. С. 109.
- ¹⁸ Батюшков К. Н. К Д. В. Дашкову // [Батюшков К. Н.] Сочинения К. Н. Батюшкова: в 3 т. СПб.: Изд. П. Н. Батюшкова; Тип. Котомина, 1887. Т. I. С. 151.
- ¹⁹ Аврамов М. А. Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая страждущих сынов своих. М.: Университетская Типография, 1813. С. 5. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

- ²⁰ Шатров Н. М. Пожар Москвы в 1812 году // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С. 591.
- ²¹ Очерки жизни московского архиепископа Августина: С прил. и портр. / [И. Снегирев]. М.: Полиц. тип., 1848. С. 53.
- ²² Там же. С. 214.
- ²³ Феофан Затворник, свт. Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению из Слова Божия. М.: Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1991. С. 186.
- ²⁴ Стихи в день Светлого Христова Воскресения матери от детей // Вестник Европы. 1813. Ч. 68. № 5—6 (март). С. 21.
- ²⁵ Там же. С. 22.
- ²⁶ Там же. С. 21.
- ²⁷ Тальберг Н. Д. Умиротворитель Европы. Князь Александр I // Русская быль. Очерки истории императорской России. М.: Правило веры, 2006. С. 237.
- ²⁸ Батюшков К. Н. Умиравший Тасс: («Какое торжество готовит древний Рим?..») // [Батюшков К. Н.] Сочинения К. Н. Батюшкова: в 3 т. СПб.: П. Н. Батюшков; тип. Котомина, 1887. Т. I. С. 254.

Список литературы

1. Айзикова И. А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / подгот. текстов и приложений И. А. Айзикова, В.С. Киселёв, Н. Е. Никонова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — С.433–449.
2. Афанасьев Э. Л. Осмысление войны 1812 года в современной ей журналистике и литературе // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. — М.: Наследие, 1998. — С. 58–81.
3. Земцов В. Н. 1812 год. Пожар Москвы. — М.: ООО «Книга», 2010. — 138 с.
4. Киселева И. А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. — 2012. — № 4. — С. 182–187.
5. Киселева И. А. Этика М. Ю. Лермонтова и ее религиозные основания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 3. — С. 66—72.
6. Михайлова Н.И. Отечественная война 1812 года и русская ораторская проза // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. — М.: Наследие, 1998. — С.132–163.
7. Можарова М.А. События 1812 года в осмыслении русских писателей и святителя Феофана Затворника // *Studia Humanitatis*. — 2014. — №1–2. — С.1–17 [Электронное издание]. — URL: <http://st-hum.ru/content/mozharova-ma-sobytiya-1812-goda-v-osmyslenii-russkih-pisateley-i-svyatitelya-feofana> (01.06.2017).

8. Поташова К. А. Образ «пылающего Везувия» в художественном мире А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. П. Брюллова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — Тамбов: Изд-во Грамота, 2015. — № 6 (48). — Ч. II. — С. 133—137.
9. Ходанен Л.А. Поэтическая мифология войны 1812 г. в русской лирике первой трети XIX века // *Известия Уральского Федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки*. — 2012. — №4. — С.204—211.

Ksenia A. Potashova

*Moscow State Regional University
(Moscow, Russian Federation)*

kseniaslovo@yandex.ru

THE BLAZING VOLCANO IN THE WITNESSES' MINDS OF THE FIRE OF MOSCOW IN 1812

Abstract. A deep concentration and attentive listening to menacing historical omens manifested in nature, determine the ideas and feelings of the poets — contemporaries of the Patriotic War of 1812. Two large European volcanoes woken up in 1811–1812 — Vesuvius and Etna — were seen as a terrible presage, a natural harbinger of a historical catastrophe. Appealing to the image of an erupting volcano, poets saw the reason that entailed the sequence of world upheavals, the crush of spiritual values. The clergymen encouraged repentance and an appeal to God's help. The rage of the erupting volcano was represented by poets as a certain moral lesson — the storming nature forces a person to turn regard on the sky and to think of readiness for death. As a result, the article came to the definition of a religious meaning of the motif of the erupting volcano in Russian poetry at the beginning of the 19th century.

Keywords: Russian poetry, an image, a motif, volcanic eruption, the flood, eschatology, French invasion of Russia

References

1. Ayzikova I. A. Historical and Literary Meaning of the “Collection of Poems Relating to the Unforgettable Year of 1812”. In: *Sobranie stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie [Collection of Poems Relating to the Unforgettable Year of 1812. Anniversary Edition]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015, pp. 433–449. (In Russ.)
2. Afanas'ev E. L. Contemplation of the War of 1812 in Contemporary Journalism and Literature. In: *Otechestvennaya voyna 1812 goda i russkaya literatura XIX veka [The Patriotic War of 1812 and the Russian Literature of the 19th Century]*. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 58–81. (In Russ.)
3. Zemtsov V. N. *1812 god. Pozhar Moskvy [The Year 1812. The Fire of Moscow]*. Moscow, Kniga Publ., 2010. 138 p. (In Russ.)

4. Kiseleva I. A. The Role of the Events of the War of 1812 in the Formation of the Imperial Aspirations in Russian Society in the First Third of the 19th Century: On the Question of Lermontov's Patriotism. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2012, no. 4, pp. 182–187. (In Russ.)
5. Kiseleva I. A. Ethics of M. Yu. Lermontov and Its Religious Grounds. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], 2010, no. 3, pp. 66–72. (In Russ.)
6. Mikhaylova N. I. The Patriotic War of 1812 and Russian Oratorical Prose. In: *Otechestvennaya voyna 1812 goda i russkaya literatura XIX veka* [The Patriotic War of 1812 and Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 132–163. (In Russ.)
7. Mozharova M. A. The Events of 1812 in Minds of Russian Writers and St. Theophan the Recluse. In: *Studia Humanitatis*, 2014, no. 1–2, pp. 1–17. Available at: <http://st-hum.ru/content/mozharova-ma-sobytiya-1812-goda-v-osmyslenii-russkih-pisateley-i-svyatitelya-feofana> (accessed 1 June 2017). (In Russ.)
8. Potashova K. A. An Image of the “Inflamed Vesuvius” in the Artistic World of A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, K. P. Bryullov. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 6 (48), part 2, pp. 133–137. (In Russ.)
9. Khodanen L. A. The Poetic Mythology of the War of 1812 in Russian Lyrics of the First Third of the 19th Century. In: *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 2: gumanitarnye nauki* [Izvestia of the Ural Federal University. Series 2: Humanities and Arts], 2012, no. 4, pp. 204–211. (In Russ.)